

Се Му приготовил очень простой завтрак:

бекон, яичницу и несколько ломтиков хлеба, поджаренных на сливочном масле.

Лисела элегантно пережевывала еду, чуть прищурив уголки глаз, и выглядела весьма довольной.

По сравнению с ней Чжи Цзы вела себя так, будто ее душа была голодным демоном, только что вырвавшимся из ада: разметав всё вокруг вихрем, она в два счета полностью очистила свою тарелку.

Затем она подняла голову и смущенно уставилась на Се Му — и на еду в его тарелке, к которой он еще даже не притронулся.

Сразу всё поняв, Се Му с легкой усмешкой подвинул свою тарелку перед ней.

И не забыл добавить:

— Я пожарю еще.

В последние дни она даже нормально спать не могла, не говоря уже о еде.

К тому, что Лисела присылала ей раньше и что ничем не отличалось от корма для скота, она, пожалуй, и не притрагивалась.

Се Му повернулся и направился к кухне, а позади тут же послышался семенящий топоток — миниатюрная фигурка вприпрыжку увязалась за ним.

Се Му тихо вздохнул:

похоже, Чжи Цзы по-прежнему не решалась оставаться с Лиселой наедине.

* * *

— И тут, сказать по правде, было уже поздно медлить!

В тот самый миг, когда госпожа Лисела собралась со мной расправиться, я ей прямо заявил:

У вашего покорного слуги денег куры не клюют, я откуплюсь ими за наши с ней жизни!

Лисела тогда просто ошеломенела, услышав это.

Прекрасная и добросердечная, она тут же была покорена моим умом и сообразительностью, а потому с радостью согласилась отпустить нас обоих!

Правда, в силу некоторых особых причин, мой собственный рабский контракт пока еще нельзя аннулировать...

Заталкивая в рот уже шестую порцию завтрака, Чжи Цзы с аппетитом слушала бахвальство Се Му, время от времени поднимая на него восхищенный взгляд, полновесно искрящийся звездами.

Цель Се Му была предельно ясна: изменить образ Лиселы в глазах Чжи Цзы, чтобы та не так сильно ее боялась.

Опасаясь, что та не поверит, он не преминул добавить ради убедительности в сторону Лиселы:

— Я ведь правду говорю, Лисела?

Едва слова сорвались с его губ, как из-под обеденного стола в его голень прилетел точный пинок кожаным сапогом.

В тот же миг вспыхнула резкая боль, и Се Му, словно пушечное ядро, вылетел из-за стула — обхватив ногу руками, он закатился по полу, дико вереща от боли.

— Ты как посмел назвать меня по имени? Смотрю, ты совсем берега потерял!

Холодный и надменный лик Лиселы в сочетании с безэмоциональным тоном излучали абсолютное величие.

— Отныне зови меня хозяйкой!

Еще раз посмеешь назвать меня Лиселой, и я переломаю тебе ноги!

Се Му в этот момент застыл с лицом, полным недоумения:

раньше, когда они оставались вдвоем, он ведь не раз называл ее по имени — если быть точным, он вообще редко звал ее хозяйкой, — но она никак на это не реагировала.

Почему же в присутствии постороннего человека вдруг стало обязательно звать ее хозяйкой?

К тому же, подумаешь, простое обращение, стоило ли так жестоко бить?

Чего Се Му не знал, так это одного:

с того самого момента, как Чжи Цзы привязалась к Се Му, и до недавнего хвастовства Се Му, в сердце Лиселы накапливалось какое-то странное, неопределенное раздражение.

Этот пинок можно было назвать результатом давно копившейся обиды.

А что касается того, почему он непременно должен был звать ее хозяйкой — неужели у нее, Лиселы, великой и благородной Кровавой Демоницы, не было гордости?

— Хозяйка, хозяйка, я знаю, что был неправ, и больше никогда не посмею!

Се Му скорчил жалобную мину.

Вилка застыла в воздухе, а хлеб во рту он забыл прожевать — эта гладкая серия приемов от парочки перед ней привела наблюдавшую за представлением Чжи Цзы в полное замешательство.

Чувствуя себя как на иголках, она теребила впереди себя две маленькие ручки, не зная, куда их деть, — ей хотелось разнять их, но она не смела.

Уткнувшись в тарелку с едой, она, конечно же, не заметила пинка под столом и увидела лишь то, как Се Му, только что рассыпавшийся в хвастливых речах, в следующее мгновение кубарем полетел прочь.

Хотя Чжи Цзы и знала, что Лисела и Се Му связаны отношениями госпожи и слуги, но, глядя на такую постановку вопроса... почему-то все это выглядело как флирт?

Но, подумав еще немного о том, что сам Се Му еще не освободился от оков, а вместо этого сначала помог ей расторгнуть контракт, она вновь почувствовала укол совести:

Ах ты, Чжи Цзы, бесстыдница!

Как ты вообще могла так думать о своем благодетеле!

И тогда робкая Чжи Цзы набралась храбрости, желая сменить тему и выручить Се Му:

— Уважаемая госпожа Лисела, позвольте мне обратиться к вам столь вольно.

Вы ведь Демон, верно? Я слышала, что продолжительность жизни Демонов невероятно велика и обычно исчисляется тысячелетиями.

Хочу спросить вас, сколько же вам лет?

Воздух внезапно замер.

Невинный вопрос Чжи Цзы заставил Лиселу умолкнуть.

Она закрыла свои прекрасные глаза и лишь спустя долгое время медленно произнесла:

— Не знаю... пожалуй... несколько сотен лет, наверное.

Говоря это, она то и дело бросала взгляды то на окно, то мимо него:

несколько маленьких воробьев уселись на верхушку дерева, трепеща крылышками и радостно подпрыгивая.

Со стороны могло показаться, что в этот момент Лисела все так же спокойна, как гладь воды, но Се Му отчетливо уловил промелькнувшую в ее выражении лица мимолетную тоску.

— Тебя ведь зовут Чжи Цзы, верно?

Неожиданно Лисела сама нарушила молчание.

— Где ты живешь? Я отправлю тебя обратно в город.

— Я... у меня нет дома.

Чжи Цзы опустила голову, словно совершившая проступок.

И то верно: раз уж она скатилась до положения рабыни, то, скорее всего, была одной из тех бездомных бродяжек. Иначе ее бы не смогли так легко схватить работоторговцы.

Се Му осторожно вклинился в разговор:

— Раз уж тебе некуда идти, может быть...

Он не осмелился договорить до конца и настороженно покосился на Лиселу.

Лисела, разумеется, заметила его взгляд.

Она тяжело вздохнула, приложив ладонь ко лбу, и на ее лице застыло чистое выражение беспомощности — пожалуй, она уже жалела, что языком трепала лишнее минуту назад.

— Чердак вообще-то пустует.

Чжи Цзы взволнованно подняла голову, и слова благодарности уже готовы были сорваться с ее губ, но Лисела подняла руку, останавливая ее.

Глядя на это незрелое и милое личико, с которого, казалось, вот-вот брызнет сок, она на мгновение замолчала и добавила:

— Но учти — у меня здесь не лагерь для беженцев.

Ты будешь платить мне арендную плату, по одной серебряной монете в месяц.

— Хорошо! Я буду старательно зарабатывать деньги!

Услышав это, стоявшей рядом Се Му тоже с облегчением выдохнул:

он-то прекрасно знал, что для этой привыкшей к одиночеству Кровавой Демоницы, к тому же скрывающей кое-какие свои тайны, согласиться разделить жилье с чужим человеком было уже колоссальной уступкой.

К тому же одна серебряная монета в месяц — это смехотворно низкая плата за аренду даже для такого маленького городка, как Багри.

Не говоря уже о том, что Лисела вовсе не производила впечатление человека, испытывающего недостаток в деньгах, — так называемая квартплата была не более чем предлогом, чтобы оправдать саму себя.

Наверное, сама Лисела никак не ожидала:

что ее крошечный домик, где она планировала лишь передохнуть по пути, всего за каких-то два дня превратится в настоящую «семью из трех человек».

<http://bllate.org/book/19325/1890122>